

18+

Фурсин О.П Какабадзе М. О.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПРИВИВКА

Дорога в Россию

Олег Фурсин

**Императорская прививка.
Дорога в Россию**

«Издательские решения»

Фурсин О. П.

Императорская прививка. Дорога в Россию / О. П. Фурсин —
«Издательские решения»,

Собирая материал для написания книги о братьях Орловых (предварительное название «Птенцы степной орлицы»), наткнулись на сведения о первой известной (императорской!) прививке от оспы в России... Профессиональная принадлежность одного из авторов, несомненно, сыграла свою роль в том, что возник этот рассказ. В котором все остальные герои — в том числе, блистательный граф Орлов, сама государыня-матушка Екатерина II, — герои важные, но всё же отступили на второй план!

Содержание

I. Д-р Димсдейл	6
II. Хитроумный граф	9
III. Главный из орлов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Императорская прививка. Дорога в Россию

**Олег Павлович Фурсин
Манана Отаровна Какабадзе**

Благодарности:

Олег Павлович Фурсин

© Олег Павлович Фурсин, 2026

© Манана Отаровна Какабадзе, 2026

ISBN 978-5-0070-7370-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Собирая материал для написания книги о братьях Орловых, наткнулись на сведения о первой известной (императорской!) прививке от оспы в России...

Профессиональная принадлежность одного из авторов, несомненно, сыграла свою роль в том, что возник этот рассказ. В котором все остальные герои — в том числе, блистательный граф Орлов, сама государыня-матушка Екатерина II, — герои важные, но всё же отступили на второй план!

А первое место в сердце по крайней мере одного автора занял английский врач, доктор Димсдейл, — как собирательный образ профессионала, которых я знала немало. Умные, добрые, любящие, всепрощающие, слегка помешанные на том, что делают. Готовые ехать на край света, подвергаться опасностям ради людей чужих и своего Дела.

Это не этническая общность — врачи. Это — профессиональная: людей, имеющих в сердце — Дело, которому служишь...

Манана Какабадзе. Олег Фурсин.

I. Д-р Димсдейл

Письмо доктору было доставлено после обеда. Он блаженствовал возле камина. Длинные ноги, немало миль исходившие окрест (доктор предпочитал пешие прогулки поездкам в конных экипажах), были протянуты к огню. Голова откинута на подушку *rocking-chair*: доктор то ли дремал, то ли грезил. Горящий в июне камин — странность в Хартфорде, когда же наслаждаться природным теплом, если не летом. Лето, как всегда, впрочем, выдалось дождливым и холодным, а доктор не терпел сырости. И мог позволить себе греться в июне. Он многое уже мог себе позволить, что не дано другим: на его стороне были: обширная медицинская практика, известность, книга по оспопрививанию, что отразила его труд, и она же сделала его знаменитым, и теперь это навечно... А главным во всём этом было вовсе не это! А его квакерство, гордость и печаль.

Дед был соратником Уильяма Пенна, и видит Бог, «трепетал» пуще остальных. Теперь и доктор Томас Димсдейл, его внук, «трепетал», и ходил под Богом дорогами честными и прямыми.

И если он посчитал, что лучше согреться после дождя и ветра, после утренних трудов, когда он обошел своих неимущих пациентов, так тому и быть. Что бы ни думали в Хартфордшире! Не хватало еще простыть ненароком.

Мало кто мог бы прервать заслуженный отдых доктора, не опасаясь длинной выволочки. Но голос жены, женщины робкой и болезненной, достигал более сердца Томаса Димсдейла, нежели слегка оттопыренных крупных ушей. Тем более, что уши чаще всего прикрыты были париком, солидным и густым, а сердце не обросло шерстью, хотя могло бы...

И он поднял голову, и сделал усилие, чтоб изобразить на лице самое искреннее и благодушное внимание.

— Тут письмо, дорогой. Я не решилась отложить, не всякий день такое случается. Во всём графстве не найдется людей, кто бы получил такое письмо. Да и во всей Англии их мало, наверно, уж не знаю. Я не смогла отложить, извини...

В голосе женщины отчётливо отражались и гордость за мужа, и её тревога. Она протянула письмо, и доктор взял его из её рук. Но взглянул не сразу. Ему хотелось проявить участие. Поговорить с женой, дать ей возможность почувствовать себя важной. Да и тревогу её унять — что Томасу Димсдейлу письма от чужих людей! Нет ничего, чтобы было важнее голоса Господа в Душе, а голос Господа говорил, что он не делал плохого.

— Что, милая, у соседей снова мычат?

Она откликнулась радостно и с охотой. Ей и самой хотелось отвлечься, по-видимому, от того, что, возможно, несло с собой письмо.

— Ох уж этот красный бык! А голова-то белая! Красавец! Везут ему, везут со всех концов коров. И уж он старается... Стокер горд, что пустых случек нет... Как охота у коровы, так и приплод от быка!

Покоробила ли доктора тема разговора? Очень немного, пожалуй, что и нет. Это была его жена, жена доктора. Случались между ними и сложнее. Он любил рассказывать ей. И каких только рассказов не было! А про инокуляцию она знала поболее, может, чем вся учёная Англия!

— Что же, удачи Стокеру и дальше. Хоть и шумно у них. Пожалуй, надо изгородь повыше да погуще. Что там плющ на хилой древесной стенке? Посадим туевик. Пожалуй, будет много тени, и смотришь, кусок нашей земли на выброс. Но я готов...

— Как скажешь, Томас, только не люблю я тени. Хоть что сажай, шум слышно все равно, а я люблю свет и тепло. Мне бы и без плюща хорошо.

Он взглянул на нее с тревогой.

— Кашляла снова? Много? Да не было ли крови?

Женщина отмахнулась со слабой улыбкой.

— Всё хорошо. Не стоит твоих забот. Не надо меня лечить...

А всё же опустила глаза. И он опустил свои. И письмо в руках вдруг обрело видимость, яркую и чёткую. Гербовая бумага, клеймёная. С Гросвенор-стрит. Русское посольство!

Доктор встал.

— Извини, милая. Пройду к себе. Дела...

Её испуганного взгляда в спину доктор, конечно, не поймал. Не до неё вдруг стало. Так было всегда — при всём уважении к матери своих детей, он был мужчина, и у него было Дело. Он служил Господу, исполняя Дело. И тогда между ним и Господом не было третьего. Никого!

Аккуратнейшим образом вскрыл письмо у себя на половине. Присел на свое любимейшее кресло орехового дерева, прочно стоящее на львиных лапах...

Письма от посла иностранной державы, пусть холодной и дикой (говорят!), следует читать со вниманием и в удобном положении тела. Учитывая характер страны этого самого посла — и более того поберечься. Как бы не упасть ненароком.

Это, впрочем, не первое общение с русскими представителями его рода. Была же встреча квакеров с этим их царём... что объявил себя императором. Петр Великий, да. В доме у Джона Ивлина. Бедняга, жаловался потом, что мебель была испорчена, да картины простреляны, ковры перепачканы. Вытоптали лужайку...

А ведь Роберт Димсдейл, дед, возьми да скажи Петру: нехорошо держать рабов у себя в имениях и землях... Освободите рабов. Заведите школы для них и других обездоленных...

Что ответил квакеру Пётр Великий, вспоминать не хочется. Пришлось признать, что в самой Англии много есть того, что сделать бы надо. Только квакеров не всегда слушают. Было время многотрудное, не внимали совсем — и преследовали...

Итак, чего хочет русский посол? Встретим бестрепетно любое! Трепетать можно только пред Господом, перед совестью нашей!

Так... доктор Томас Димсдейл «сим письмом извещается» от имени императрицы — послом империи российской в Англии, Мусин-Пушкин (лучше не вчитываться, не произносите!), что самодержица российская желает вызвать доктора в Россию с целью внедрения в своей стране оспопрививания...

Он не пожалел, что устроился в кресле — качнуло...

Ему пятьдесят шесть лет! Да, он был военным врачом, и всходил на корабли, и множил мили ногами, если нужно, и в повозках трясся, бывало... Теперь, когда он стар, пусть и крепко, окружён семьёй, достаточно состоятелен и знаменит, пуститься во все тяжкие? Снова в дорогу, да оторваться от Англии далеко, да к дикарям в руки. Пусть не к тем, с которыми имел дело Уильям Пенн, они другие, конечно... Дикари на гербовой бумаге не пишут, послами не величаются... не изъясняются на английском! да с подобным изяществом...

Но путешествие чревато множеством неудобств, и, вероятно, опасностей... Зачем это ему? Да там холодно, в России! А он этого не любит!

Каково было облегчение супруги, что он её не оставит!

— Россия! Так далеко! Как ей только в голову пришло, государыне странных северян! Будто бы к Элдонам съездить с их золотушными детьми! Я б тебя и к Элдонам не пустила, только вот ты про долг станешь говорить и про трепет... Я тебе благодарна, Томас, что ты меня не бросаешь. Я даже готова пить этот отвратительный на вкус отвар от кашля...

И они вдвоём, он, учёный человек, доктор, знаток оспопрививания, и она, мать его детей, составили письмо, и читали-перечитывали его, с удовольствием детей, которым сошла с рук нешуточная проказа.

«Посол самодержицы всероссийской Мусин-Пушкин извещается сим письмом, что доктор Томас Димсдейл благодарит за оказанную честь, но, будучи польщён вниманием Госуда-

рыни, чьи ум и учёность выше всяческих похвал, всё же вынужден отказаться от путешествия, которое несовместимо с его возрастом и положением», — писал доктор послу...

Плохо он знал Мусина-Пушкина! Точнее, совсем не знал и не понимал этого русского...

II. Хитроумный граф

Будущий граф священной Римской империи, будущий победитель английского парламента в споре за коллекцию Роберта Уолполла, — был небрежным политиком, — но прекрасным знатоком человеческих душ...

И скоро друзья Димсдейла, двое наиболее близких к нему друзей, стали говорить ему о долге и славе труженика. О бесстрашии, которое было свойственно Уильяму Пенну, да и деду Томаса. О том, что Англии положен свой удел по всему свету, а почему не в России? Если на удаленном континенте есть место под названием «Пенсильвания», то почему бы в незнакомой толком огромной стране, занимающей полконтинента, здесь и сейчас, — под покровительством просвещённой государыни, — не может быть содружества квакеров под собственным именем Томаса Димсдейла?

Нет, ничего подобного пообещать Алексей Семёнович Мусин-Пушкин Димсдейлу не мог. Но почто не повесить рыбу перед носом у учёного старца, пусть плывёт! Денег на дорогу дадут, при благополучном исходе дела (Господи, помилуй!) дадут неизмеримо больше. Приоденут, да хоть в соболя, пусть греется, этот чудак и посреди лета топит камин... Слово дадим, что при любом исходе домой отпустим! Ах, кляtv не признаёт? Мне же лучше, греха на душу не возьму!

Но последним и решающим аргументом стало то, на что Мусин — Пушкин посчитал возможным намекнуть при личной встрече. Оспу надо будет привить высочайшим особам в империи!

Да, это решило дело. Не приём в посольстве, не очарование Пушкина (оно наличествовало в избытке!).

И квакер, доктор Томас Димсдейл, нарушил молчаливую молитву единомышленников. Он встал в доме, где трепещущие молились, обратив на себя взоры. И сказал: «Я поеду в Россию! Прививать против оспы. Так сказал мне Господь. Я услышал!».

Ах, бедная женщина, бедняжка-жена. Она ведь тоже услышала...

Впоследствии доктор писал об этом: «Я убедился важностью дела, особенно соображая неизмеримую ценность жизни обеих значительных особ, от которых зависела Российская империя. То, чего от меня хотели, я считал обращением к моей чести, и я не мог отказаться, не сделав низости, недостойной англичанина»...

28 июля 1768 года доктор в сопровождении одного из сыновей, студента медицины Эдинбургского университета Натаниэля (сколько ж слёз пролила его мать в подушку! но не могла же она смущать своей слабостью героических сына с отцом), отправился в Россию...

Тысяча фунтов стерлингов только на дорожные расходы! Государыня русских была неизмеримо щедр... Доктор мог позволить себе экипаж с крепким кузовом, с большим вместительным для провизии... Он купил себе пистолет! новенький английского производства кремнёвый пистолет, с латунным стволом...

А как же иначе внушить другим уважение к себе и вежливость? Нет, доктор обладал запасом терпения, сочетал его с изрядной долей весёлости, и это немало значит в жизни. Но! то, что хорошо в Англии, как ещё устроено в России? Будучи уверенным в том, что дорога не обойдется без мошенничества, он всё же лелеял надежду на то, что нетрудно будет найти законную защиту, обратившись к местному начальству... А пистолет пусть будет! Правда, стреляет громко, доктор подпрыгивал от ужаса всякий раз при выстреле. Натаниэлю пистолет нравился, что означало — держать надо оружие подальше. Неизвестно, сумеет ли доктор Димсдейл воспользоваться тогда пистолетом вообще... Но само его наличие — уже успокаивает душу.

Путешествовали «сносно». Что означает — не отдали Богу душу на российских рытвинах и ямах... Провизию они запасли в достаточном количестве, и ради еды в трактирных домах не останавливались. Разве что ночами хотелось прилечь, вытянуть ноги...

Вытягивали. Дни летели...

III. Главный из орлов

А на том краю Вселенной, в месте, откуда вызвали доктора, разыгрывалась нешуточная драма изо дня в день, и в описываемый — тоже.

Григорий Орлов мог пройти к государыне в её покои с антресолей Зимнего дворца в любой час, но предпочитал вечер и ночь.

Собственно, он одолел привычно этот короткий путь июньской ночью, напоминавшей вечерние сумерки... и вот уже некоторое время препирался с императрицей, вопреки обычаю предаваться любви или просто лежать, обнявшись, обсуждая прошедший день.

Старинушка настоял на том, чтоб братья Орловы обменивались чуть не каждый день известиями о том, что касалось императрицы и двора.

Посему Владимир послал известие Алехану, а там и до Григория долетело. У самого-то престола был он! С него и спрос.

Григорий провёл небольшое расследование. Он потряс до основания существование дам, имевших фрейлинский шифр. Он добрался до доктора Шулениуса, лифляндского врача, имевшего опыт оспопрививания. А Алехан до отъезда в Италию посетил Медицинскую коллегию...

— Государыне, самодержице всероссийской, саму себя уродовать, рисковать собой, Великим Князем, это ли не преступно? А ну как закончится плохо?

Григорий Орлов особым, подчеркнутым жестом, положил знамение крестное. Глаза его горели ярко-голубым пламенем, пронизывая императрицу насквозь. Екатерина поёжилась, но не от страха, как можно бы думать, — от удовольствия.

Искренне считая Григория красивейшим мужчиной в своём окружении, да чуть ли не в России целой, — она испытывала удовольствие от *agitatio*, от его искреннего гнева...

Он был в её глазах таким — молнией, проблеском Божьим. Что в постели, что в жизни, когда Григорий вспыхивал, поистине был неотразим. По крайней мере, в её глазах!

— Да ведь доктор знает своё дело, Гришенька! Не первая я у него. И что такое это «плохо»? По мне плохо — как лицо оспинами покроется, и буду я некрасива, даже страшна собою. Ты Петрушу моего вспомни! Всегда не к добру он помянут, да уж вспомни, как затирался да прикрывался! А Лизка! Замуж я её выдала, всё ей простила... дитя крестила... а смотреть на неё и ныне не желаю... Лицо государыни — лицо государства. Коль страшна, так и недобра, а добра, так насупротив... значит, красива... Разве не так люди считают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.